

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.5

EDN: QEKKWG

И.А. САВЕЛЬЕВ¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр.1.

ПОЛИСУБЪЕКТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость введения в социологию управления общенаучной категории «полисубъектность», проясняется ее социологическое содержание как категории постнеклассической рациональности, показывается ее роль в объяснении институционализации управления, выделяются основные подходы к пониманию полисубъектности.

Дается определение полисубъектности как системы регулятивных (саморегулятивных) механизмов, воспроизводящих эволюционные формы социокультурных образований и приводящих к формированию и развитию социальных институтов в условиях постоянно усложняющейся полисубъектной среды. По мнению автора, эта категория позволяет описать разнообразие и динамику социальной среды, которая формируется в процессе диалога управляемых субъектов, являющихся носителями разнообразных ценностно-целевых структур, обладающих определенными ресурсами и находящиеся во взаимосвязи с другими субъектами социального действия. Полисубъектность признается важнейшей причиной изменения социального порядка, а также фактором социального развития, без понимания которых невозможно повышение жизнеспособности социальной системы. Фиксируются свойства и проявления полисубъектности в практике социального управления. Доказывается, что полисубъектность — это условие и одновременно результат полисубъектного управления, то есть управления через среду. Обозначаются дальнейшие исследовательские перспективы применения категории полисубъектности, в частности, вопрос об универсальности полисубъектности как фактора эффективности управления региональным развитием.

Автором использованы результаты междисциплинарного изучения полисубъектности и показано его значение для социологии, равно как и важность социологического исследования полисубъектности для других социогуманитарных наук.

Ключевые слова: полисубъектность; социология управления; постнеклассическая рациональность; онтологические основания полисубъектности; гносеологические основания полисубъектности; полисубъектная среда управления; полисубъектное управление.

Для цитирования: Савельев И.А. Полисубъектность как категория социологии управления // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 96–110. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.5 EDN: QEKKWG

Постановка проблемы

На наш взгляд, научное познание явлений управления сегодня может быть плодотворным только с позиций постнеклассической науки [15, с. 125]. Именно постнеклассическая рациональность, делая акцент на субъект-субъектных отношениях, не обходит стороной и классические субъект-объектные отношения. Однако фокусом внимания в таком случае становятся «человекоразмерные системы», рефлексия над которыми осуществляется в субъект-полисубъектной парадигме [8; 9].

В связи с этим для социологии и социологии управления актуальной задачей является обоснование введения категории полисубъектности, точнее, ее перевода из общенаучной плоскости в социологическую для последующей аналитики институционализации управления.

Научная проблема определяется необходимостью поиска нового знания относительно социологических категорий, фиксирующих и описывающих институционализацию управления в условиях постоянно усложняющейся полисубъектной среды. Этот процесс подразумевает также соответствующую трансформацию категориальной матрицы социологии управления, важнейшими задачами которой остаются фиксация и соответствующая интерпретация факторов, обуславливающих динамику этой институционализации.

В свое время А.В. Тихонов отмечал, что история зрелого индустриального общества приходится на период с 1870-х гг. до примерно 1960-х гг. В это время складывалась функциональная для него парадигма управления, которая, по сути, является производной классической рациональности, выстраивания отношений в кибернетической схеме субъект-объектного управления [15, с. 45]. В то же время в период перехода от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу начала проявляться тенденция к формированию новой парадигмы управления: вопросы объединения организации и самоорганизации стали рассматриваться как доминирующий способ регуляции общественных отношений; наметились тенденции изучения условий перехода от синкретизма «власти – собственности – управления» к синкретизму «самоорганизации – управления – организации». На наш взгляд, категория «полисубъектность» в интерпретации этого процесса с позиции постнеклассической рациональности может значительно обогатить категориальную матрицу социологии управления: воспроизводство социального порядка и анализ нового синкретизма как доминирующего способа регуляции невозможны без учета полисубъектности.

Категории «полисубъектность» и «полисубъектное управление» в междисциплинарном ракурсе

Предлагаем понимать под полисубъектностью (множественной субъектностью) прежде всего категорию, описывающую разнообразие и динамику социальной среды, формируемой в процессе диалога управляемых субъектов, являющихся носителями разнообразных ценностно-целевых структур, обладающих определенными ресурсами и находящимися во взаимосвязи с другими субъектами социального действия.

Подчеркнем, что речь идет о реальном, эмпирически фиксируемом наличии субъектов управленческой деятельности в пространстве социального взаимодействия, обладающих ценностными ориентирами, интересами и ресурсами, включенных в многочисленные спонтанные и целенаправленно осуществляемые управленческие отношения и способных к самоорганизации. В ходе этих взаимодействий возникает особая полисубъектная среда, имеющая собственную субъектность, не учитывать которую в воспроизводстве социального порядка все сложнее. Для социологии управления, одной из предметной направленности которой является соотношение спонтанных и целенаправленных процессов, введение и дальнейшая разработка категории полисубъектности обретает дополнительную актуальность.

Кроме того, учет полисубъектности как фактора социального развития, условия и одновременно результата полисубъектного управления может применяться в качестве социологической составляющей гуманитарной экспертизы управленческих решений в различных областях. Ведь такая экспертиза должна включать оценку социально значимых проектов, принимаемых на долгосрочную перспективу, с точки зрения их соответствия интересам человека, социальных групп, вовлекаемых в определенные процессы, населения страны [16, с. 98]. Управленческие решения в большинстве случаев касаются большого числа социальных субъектов — носителей ценностно-целевых структур, обладающих различными ресурсами и разной степенью субъектности (бессубъектности), поэтому в перспективе категориальный конструкт полисубъектности сможет позволить разработать систему социологического мониторинга состояния и динамики полисубъектных сред, определить барьеры формирования полисубъектности, учесть полисубъектный фактор в социологической составляющей гуманитарной экспертизы управленческих решений.

Следовательно, важнейшим основанием для разработки категории полисубъектности является прежде всего понятие «полисубъектная среда управления», то есть социальная среда, субъектами-компонентами которой выступают сложные, открытые комплексы, объединяющие различные типы носителей ценностно-целевых установок (структур): отдельные личности, социальные группы, общности, организации. Проблемы определения границ, внешних и внутренних факторов динамики полисубъектных сред, их «веса» в воспроизводстве социального порядка также представляются перспективным направлением исследований в рамках социологии управления.

Таким образом, необходимо отметить междисциплинарный характер проблематики полисубъектности. Подобный подход к полисубъектности и полисубъектному управлению начал складываться уже в неклассической научной рациональности в результате междисциплинарных взаимодействий кибернетики второго порядка с различными областями как естественных (физика, биология), так и социальных, гуманитарных (экономика, психология, педагогика, социология) наук, а также с философией. В контексте постнеклассической рациональности, объектом исследования которой становятся саморазвивающиеся системы, роль междисциплинарности возрастает.

Вкратце проследим эволюцию категории полисубъектности и связанной с ней аналитики. Идея полисубъектной среды управления является следствием развития теории управляемого хаоса (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, С. Манн, Р. Том, В.И. Арнольд, С. Курдюмов), которая делает акцент на нелинейном поведении субъектов и статистически описывает тенденции большого числа взаимодействующих объектов и факторов. В дальнейшем значительный вклад в понимание полисубъектной среды управления внесли наработки российских философов (В.С. Степин, В.И. Аршинов, В.Е. Лепский и др.), специалистов в области синергетики и сложных систем.

Важная работа по исследованию полисубъектных сред была проведена в рамках кибернетики второго порядка Х. фон Фёрстера, сменившей акцент с «наблюдаемых систем» на рассмотрение «наблюдающих систем» (Фёрстер) и способствовавшей постепенному переходу от «субъект-объектной» к «субъект-субъектной» парадигме научной рациональности (которая также включает субъект-объектные отношения, но фокусируется на взаимном представлении субъектами друг друга). Кибернетика третьего порядка (В.Ф. Турчин, С. Амплеби и др.), или кибернетика полисубъектных рефлексивно-активных сред, реализует тезис постнеклассической науки: «от наблюдаемых систем к саморазвивающимся системам» [9]. Здесь важно отметить, что саморазвивающаяся полисубъектная среда, включающая наряду с самими субъектами и их взаимодействиями ценностно-целевые и ценностно-смысловые структуры, может рассматриваться как особый — третий — субъект (выходящий за рамки субъект-субъектного отношения), являющийся отдельным, самостоятельным фактором развития.

Разработка категории полисубъектности имеет давние социально-психологические и педагогические традиции (Д.А. Леонтьев, К.К. Платонов, М. Рокич, Д.Н. Узнадзе, В.А. Петровский и др.). Многие аспекты — например, место и роль ценностных ориентаций в структуре личности субъекта — отражены и в социологических работах (А.В. Кирьякова, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и др.). В частности, В.А. Ядов в докладе на открытии III Всероссийского социологического конгресса (21 октября 2008 г.) отмечал, что тенденцию общего вектора развития цивилизации можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания. Реальный же вектор — это результирующая действий многих агентов подобно сложению физических сил, приложенных к одной точке [17, с. 10]. В то же время в современной социологии отсутствует теоретико-методологическая традиция использования категории полисубъектности в контексте постклассической рациональности.

Сложно отрицать тот факт, что усилия разных управляемых субъектов, участвующих в процессах управления, далеко не всегда когерентны, а выстраивание координации, улучшение организации контроля на основе обратной связи и реализация других функций управления невозможны без учета полисубъектной проблематики. По нашему мнению, наиболее перспективным основанием концептуализации феномена полисубъектности в плане реализации функций управления является теория персонифицированной социокультурной модели управления А.В. Тихонова. Согласно этой модели совместная деятельность рассматривается как элементарная составляющая социальности, а полисубъектное взаимодействие

характеризуется опорой на субъект-субъектные отношения в ситуации создания связей с другими полисубъектами и общностями иных типов. Субъекты, входящие в эту общность, оказываются способными рассматривать как субъектную целостность и себя, и свою общность, и другие общности.

Дальнейшая разработка концепции «социокультурного тела», в рамках которой методологически предусмотрена логико-онтологическая схема конфигурации персонифицированного социокультурного образования при помощи сознательного установления между действиями людей причинно-следственных связей, может быть продолжена с помощью категорий полисубъектности (механизмы и факторы соорганизации деятельности субъектов в полисубъектной среде, мера доминирования и интенциональность этих субъектов) в контексте саморазвивающейся полисубъектной среды и проч. Как отмечалось, объединение организации и самоорганизации все чаще стало рассматриваться как доминирующий способ регуляции общественных отношений и воспроизводства социального порядка, что подразумевает полисубъектный подход.

Это справедливо в связи с познавательной ситуацией (установкой) исследователя, соответствующей постнеклассической научной рациональности и позволяющей фиксировать реальность существования и взаимной обусловленности различных субъектов, связей между ними. В первую очередь это касается субъектов управленческой деятельности, обладающих свойством «человекоразмерности», ценностно-целевыми структурами и создающих особую среду управления.

Действительно, по В.С. Степину, для постнеклассического типа научной рациональности характерны изучение сложных, «человекоразмерных» систем, а также включение ценностного измерения в сам познавательный процесс, междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. Он же отмечал среди прочих признаков постнеклассической рациональности особенности системной организации объектов науки [14, с. 45].

Полисубъектность в перспективе может стать категорией постнеклассической социологии, адекватной для объяснения развития «человекоразмерных» систем, ведь все «социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем» [14, с. 49]. Как отмечает в связи с этим А.П. Давыдов, «основная социальная роль поворота эпистемологии и социологии к человеку в XX–XXI вв. — способность Я через индивидуальное взаимодействие с Другим формировать “текущую современность” (термин З. Баумана), общество перемен, такое коллективное единство, в котором, с одной стороны, происходит постоянная виртуальная и реальная дифференциация социального, а с другой — через новые синтезы происходит становление в обществе обновляющегося социального разнообразия как формы социокультурной солидарности, динамичного развития» [5, с. 145].

С позиции социологии управления в таких типах саморазвивающихся социальных систем априори встроен социокультурный механизм управленческой регуляции, отвечающий за сохранение целостности образования и его сбалансированное развитие. Согласно В.Е. Лепскому, в таких системах под управлением понимается не жесткое командование, но «управление через среду», управление «через механизмы сборки субъектов», формируется управленческая парадигма «субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда». Заслугой В.Е. Лепского

является указание на тот факт, что организация взаимодействия субъектов между собой и со средой определяется соответствующей системой онтологий: онтологии «сопровождение» (организация устоявшихся видов деятельности субъектов и обеспечение их жизнедеятельности), онтологии «поддержка» (организация преодоления разрывов устоявшихся видов деятельности субъектов), онтологии «развитие» (разработка стратегического целеполагания и организация развития всех видов деятельности), онтологии «конструирование» (организация разработки новых видов деятельности и новых субъектов), онтологии «внедрение» (организация внедрения инновационных проектов новых видов деятельности) [9, с. 14–15]. Таким образом, полисубъектность означает, что объект и система управления сливаются в единое целое — в саморазвивающуюся рефлексивно-активную среду.

На наш взгляд, феномен полисубъектности можно обнаружить практически во всех сферах общественной жизни. В практике социального управления полисубъектность проявляется во взаимодействии регионов и федерального центра; в контексте функционирования различных уровней (звеньев) властно-управленческой вертикали, генерирующих различные формы и механизмы управления в режиме/диапазоне полисубъектности; взаимодействия гражданского общества и государства. В экономике полисубъектность прослеживается, в частности, во взаимодействии государства с малыми и средними предприятиями в условиях рынка. В сфере образования — это комплексное взаимодействие учеников, педагогов, родителей, администрации учебных заведений в учебном процессе и пр. Особое внимание уделялось различным аспектам полисубъектности в отечественной психологии. В частности, В.А. Петровским в рамках теории деятельностной интерпретации межличностных отношений рассмотрены уровни-слои внутригрупповых отношений, а также формируемые в зависимости от целей совместной деятельности личностно-деловые, приватные, эмоционально-личностные отношения. Выделены ядерный, межличностный и поверхностные слои групповых взаимодействий [11, с. 6], что представляет несомненный интерес для дальнейшего изучения структурных аспектов полисубъектных сред.

Можно говорить и о полисубъектности международных отношений, организации полисубъектного взаимодействия в социокультурном проектировании городского пространства и т. д. Во всех этих и других областях мы вправе ставить вопрос о доминирующем субъекте (федеральный центр, правительство, администрация школы, педагог и проч.), а также о степени его доминирования.

В контексте полисубъектности доминирующим является индивидуальный или коллективный субъект управления, уполномоченный принимать стратегические и оперативные решения относительно форм и методов функционирования и развития системы управления (среды), контролировать исполнение решений. При этом объекты воздействия доминирующего субъекта — не столько другие управляемые субъекты, сколько отношения, связи и взаимодействие участников совместной деятельности. Это взаимодействие управляемых субъектов постепенно не просто становится объектом воздействия, оно приобретает собственную субъектность, не считаться с которой доминирующий субъект не может. Деятельность доминирующего субъекта будет эффективной, если у него есть фиксированные права и обязанности, нормативно-ценностная база деятельности, легитимность, ресурсы (материальные, временные и иные), а также социально значимые качества: авторитет, уверенность в себе, репутация.

Графически управление часто уподобляется конусу, в котором круг-основание символизирует горизонтальные, партнерские отношения субъектов, равноудаленных от центра, — гетерархию, а идущая вверх от центра прямая — властно-управленческую вертикаль, возникшую еще в потестарных обществах и символизирующую неравенство и наличие доминирующего субъекта, который может быть как индивидуальным, так и групповым. Однако, в отличие от власти, подразумевающей субъект-объектное, командное воздействие, управление основано на субъект-субъектном подходе. Вопрос об онтологическом статусе доминирующего субъекта управления в полисубъектной среде требует дальнейшего уточнения. Пока же следует отметить, что, в отличие от субъекта власти, субъект управления значительно усложнился в соответствии с институционализацией самого управления, прошедшего пять «управленческих революций», последней из которых считается «революция менеджеров».

Следовательно, мера доминирования субъекта зависит от таких факторов, как личностные характеристики, уровень владения социально-управленческими компетенциями и ресурсами самого субъекта, характеристики управляемых субъектов, социальный (политический, экономический, социокультурный) контекст, а также от состояния полисубъектной среды (степень взаимной обусловленности управляемых субъектов, уровень когерентности их усилий, наличие конкуренции и пр.). Мера и масштаб доминирования субъекта в условиях меняющейся полисубъектной среды являются важнейшей проблемой социологии управления. Поэтому реальная полисубъектность — это условие и одновременно результат полисубъектного управления, или управления через среду.

Таким образом, онтологическим основанием полисубъектности является саморегуляция развивающихся сложных систем, для которых с позиции синергетики характерны следующие свойства: открытость, процессуальность, нередуцируемость системной целостности к свойствам элементов. Причем саморегуляция этих систем меняется в теории динамического хаоса на основе фазовых переходов. И при описании воспроизводства сложных систем в их взаимодействии со средой, и при описании эволюционных процессов, связанных с усложнением самих систем, современная «синергетика обязательно фиксирует определенную долю хаоса, неустойчивости, неопределенности выбора будущих сценариев развития», на которые наше наблюдение неустранимо влияет [2, с. 96–97]. Гносеологическим основанием выделения данной категории является постепенная смена научной рациональности и ее переход на постнеклассический уровень с соответствующей категориальной матрицей.

Социолого-управленческий аспект полисубъектности

В социологии управления под полисубъектностью можно понимать и систему регулятивных (саморегулятивных) механизмов, воспроизводящих эволюционные формы социокультурных образований и в перспективе приводящих к формированию и развитию социальных институтов в условиях полисубъектной среды. Данная категория может пониматься двояко: как субъектность индивидов и социальных групп (множественная субъектность), объединенных в полисубъектную общность, а также как множественность субъектности личности. В первом случае полисубъектность описывает многосоставность, разнообразие, динамичность, противоречи-

вость социальной среды как общности, формируемой в процессе взаимодействия управляемых субъектов. Во втором случае она характеризует субъектность личности в плане ролевого поведения и микросоциологического уровня анализа.

Для социологии управления, которая рефлексивна по поводу становления новой парадигмы, категория полисубъектности позволяет преодолеть ограничения субъект-объектного понимания управления, по сути, отождествляющего его с командованием, и способствовать становлению постнеклассического полисубъектного управления.

Принцип полисубъектности заключается в диалогическом синтезе различных субъектов — государства и институтов гражданского общества, центра и регионов, власти и бизнеса и т. д., направленном на совместное социально-политическое, социально-экономическое и социокультурное взаимодействие и развитие. Главной функцией субъекта управления (доминирующего субъекта) является создание условий для совместного поиска меры взаимных дополнительных усилий всех управляемых субъектов в конкретной сфере. Доминирующий субъект — по сути, субъект управления — не перехватывает и не блокирует субъектность других субъектов, но выступает в роли регулятора, модератора, социального технолога, упорядочивающего *связи между элементами* полисубъектной общности (среды, или системы), контролирующего и прогнозирующего качество изменений и сохраняющего управляемость и целостность системы. Подчеркнем особую роль доминирующего субъекта управления по диалогическому синтезу конструктивной субъектности управляемых субъектов.

Рассмотрим возможность управленческого аспекта полисубъектности на примере архитектуры и градостроения. Интересным представляется подход Кристофера Александера и соавторов, которые в качестве инструмента реализации описанной выше функции доминирующего субъекта управления в полисубъектной общности используют «язык шаблонов» для построения программных сред [1].

В своей работе они представили не потерявший актуальности новый подход к архитектуре и градостроительству, который, по сути, формирует полисубъектность: жители должны сами проектировать дома, улицы и районы, «ведь самые замечательные места на планете созданы не архитекторами, а обычными людьми» [1, с. 96–97]. В качестве «языка» проектирования они используют «шаблоны», или паттерны, которые отвечают на вопросы, касающиеся этажности зданий, площади озеленений и проч. Авторы разработали более 250 «шаблонов», каждый из которых описывает проблему, ее обсуждение, иллюстрацию и решение. Суть планирования авторы видят в конструктивном взаимодействии всех уровней социальной структуры региона — от локальных группировок (семьи, соседи, рабочие коллективы) до городских советов и региональных ассамблей. Каждая группа принимает решения относительно совместно используемой окружающей среды и в идеале на своем «уровне» действительно владеет участком земли, который находится в совместном пользовании. Группы, стоящие на более высокой иерархической ступени, не владеют землями, которые принадлежат менее статусным группам, и не контролируют их — в их владении, распоряжении и под их контролем находятся только общественные земли, расположенные между владениями менее обеспеченных групп. Каждая из этих групп принимает на себя ответственность за реализацию «шаблонов», соответствующих их собственной внутренней структуре.

Показательно, что в данной схеме практически в каждом микрорайоне или городе используются собственные методы убеждения своих граждан в необходимости реализации этих «шаблонов». Так, для «шаблона» «сплетение города и деревни» может потребоваться законодательное ограничение деятельности девелоперов, а такие «шаблоны», как «главные ворота», «непроточные водоемы», могут быть реализованы исключительно добровольно [1, с. 50]. Как видим, здесь учитываются все ключевые игроки полисубъектной среды: жители, архитекторы и иные профессиональные сообщества (коммунальщики, застройщики), органы власти и управления, представители гражданского общества (экологи, юристы, журналисты). При этом роль доминирующего субъекта выполняют органы региональной власти, учитывающие обратную связь и способствующие реализации конструктивной субъектности других.

Данный подход перекликается с экоантропоцентрической социологией Т.М. Дридзе, если рассматривать «язык шаблонов» как еще один смысл согласованного конструирования и воспроизводства объектов среды и социальных форм полисубъектности. Как отмечала Дридзе, данная парадигма основана на том, что социальные институты представляют собой «кристаллизацию непрерывно происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания» [6, с. 225]. В фокусе ее внимания остаются не столько социальные группы с предписанным им типовым или среднестатистическим сознанием и поведением, как бы «распадающиеся» на своих отдельных представителей, сколько «люди, осуществляющие собственный выбор и/или, делая его под давлением среды, сами образующие такие группы и общности» [6, с. 226]. Примечательно, что Т.М. Дридзе понимала под социальным участием социальное управление с обратной коммуникативной связью. Социальное участие реализуется через перманентное расширение «коммуникативного круга» участников с постепенным втягиванием в него все большего числа социальных субъектов с их разномотивированными критериями оценки социальной ситуации.

В данном кейсе видим, что социокультурное проектирование на основе полисубъектного подхода может способствовать функционированию и развитию социальной системы. Социологическая экспертиза градостроительных решений и последующий социологический мониторинг их реализации придают полисубъектному подходу дополнительную актуальность и практическую востребованность.

Полисубъектное взаимодействие в контексте управленческих отношений является так или иначе следствием развития субъектности всех членов общества при наличии доминирующего субъекта. Отметим, что субъектность населения с позиции социологии управления характеризуется через систему взаимодействий между обществом и властью, где для общества значимым является способность к самоорганизации в качестве полноценного социального субъекта, а для власти — создание условий для конструктивного диалога [10].

На наш взгляд, одним из методологических оснований анализа полисубъектности может быть антропосоциетальный подход П. Сорокина, М. Вебера, Н.И. Лапина, подразумевающий в качестве фундаментального показателя эффективности управления в обществе социальное самочувствие человека при господстве конкретной, исторически заданной вертикали власти и управления [13, с. 26]. В этом контексте полисубъектность может рассматриваться как категория социального

развития, ведь функция властно-управленческой вертикали является двойственной. С одной стороны, для обеспечения социального порядка и прогнозируемости последствий реализации деятельности властно-управленческая вертикаль пытается встраивать интересы человека в интересы социетальной системы. С другой стороны, ее задачей, как считает Н.И. Лапин, является обеспечение изменчивости системы на основе ориентации на экзистенциальное стремление человека к улучшению жизни. В связи с этим логично говорить о моносубъектном и полисубъектном управлении, при котором доминирующий субъект (правительство, региональная система управления и пр.) либо подменяет реальную полисубъектность, имитируя ее, либо пытается создать условия для ее возникновения и повышения управляемости.

Подход Н.И. Лапина предполагает наличие у всякой вертикали потенциала гармонизации отношений в обществе при существовании постоянного риска изменений внешних и внутренних условий. Представляется, что данный подход органически и преемственно дополняется необходимостью анализа соотношения спонтанных и сознательных изменений. При этом не стоит абсолютизировать стихийность социальных изменений и невозможность управления (регулирования) ими. Важно учитывать характер взаимодействий индивидов, способность системы фильтровать воздействия внешней среды, создавать условия для реализации конструктивной субъектности населения.

Применение категории полисубъектности в социологии позволяет говорить о полисубъектном управлении. Полисубъектное управление — «мягкая» форма управления, создающая условия для формирования и развития сложных систем через полисубъектную среду. По В.Е. Лепскому, в рамках постнеклассической научной рациональности тип полисубъектного управления является основным [9].

Проиллюстрируем возможность использования полисубъектного управления на примере реформирования сферы образования. Как отмечает Г.А. Ключарев, инициаторами радикальных изменений в сфере общего, профессионального и дополнительного образования являются сама техносоциальная среда и ее акторы — люди и искусственный интеллект (нейросети) [7, с. 132].

Развитие машинного обучения и нейросетей кардинально меняет образовательный процесс. Так, в рамках «эмпорийской модели» организации занятий предусмотрено деление студентов на потоки, контактирующие с обучающей программой непрерывно при наличии контролирующих субъектов в виде деканатов, кураторов и проч.

Показательно, что в системе дополнительного профессионального образования полисубъектность давно признана одним из основных принципов реализации компетентностно ориентированных программ наряду с актуальностью, персонализацией, приоритетом интерактивности, акменарправленностью, развитием рефлексивности и непрерывным мониторингом формирования компетенций [12, с. 185].

Субъектами целеполагания, планирования и оценки образовательных результатов в компетентностно ориентированных программах, в отличие от традиционных, являются не только преподаватели-эксперты, реализующие государственный стандарт, но и работодатели, обучающие специалисты, обычные преподаватели, внешние эксперты. Таким образом, различные уровни и типы образования демонстрируют наличие полисубъектных сред, доминирующим субъектом в которых в разных ситуациях является министерство образования (федеральное, региональное), ректорат, администрация школы, педагог.

В целом полисубъектный подход получил довольно широкое распространение и признание в сфере образования [4]. Исходя из анализа литературы, посвященной проблематике полисубъектности, педагогов можно считать пионерами от гуманитариев в применении этого подхода. В то же время представляется перспективным рассмотрение таких собственно социолого-управленческих аспектов полисубъектности образования, как формирование и координация полисубъектной среды образовательных учреждений, оценка (социологический мониторинг, экспертиза) принятия управленческих решений в условиях полисубъектности и проч.

Для дальнейшего реформирования института образования важен учет полисубъектности. Причем управленец не может просто наблюдать или констатировать наличие полисубъектных сред, его задачами являются повышение управляемости, прогнозирование, программирование, учет обратной связи, выработка параметров и контроль ресурсов для самоорганизации множественной субъектности. Отдельным вопросом можно считать гуманитарную экспертизу целевых программ и проектов, таких как «Проект 5-100», «Приоритет-2030» или нацпроект «Образование».

Исходя из изложенного выше, полисубъектным является управление, основные функции которого реализуются совместными усилиями многих субъектов — автономно и в то же время взаимосвязанно с другими субъектами, осуществляющими свою активность. Понятие «полисубъектное управление» разрабатывается в педагогике и психологии, однако для социологии управления также очевидно, что управление как институт — это социальное «изобретение», которое пронизывает все уровни общества и охватывает разные субъекты, формируя полисубъектную среду управления.

Таким образом, полисубъектное управление можно трактовать как целенаправленную, основанную на обратной связи деятельность доминирующего субъекта управления по созданию условий (формированию среды) для совместной реализации конструктивной субъектности других социальных субъектов. Его суть — конструирование отношений между субъектами с целью совместного решения значимых проблем. Если субъектность — свойство индивида или группы включаться в решение социально значимых проблем, то полисубъектность — такая форма непосредственного взаимодействия субъектов друг с другом и с доминирующим субъектом, которая способна породить их взаимную обусловленность, особую степень близости отношений, наиболее благоприятные условия для развития.

Вывод

Феномен полисубъектности, междисциплинарный характер аналитики которого был показан в данной статье, является важным для дальнейшего исследования с позиции социологии управления, становящейся научно-исследовательской программой. Постнеклассическая категория полисубъектности имеет социологическое содержание, подразумевающее систему регулятивных (саморегулятивных) механизмов, воспроизводящих эволюционные формы социокультурных образований и приводящих к формированию и развитию социальных институтов в условиях постоянно усложняющейся полисубъектной среды. Фиксируя динамические изменения социальных сред и их фактическое разнообразие, формируемое в процессе диалога управляемых субъектов, полисубъектность является важнейшей причиной изменения социального порядка и фактором социального развития.

Это важно принимать во внимание в ситуациях, когда технократизм, оказывающий сильное воздействие на институционализацию управления, может не учитывать возможную сложность полисубъектной среды. Происходящая в настоящее время цифровизация инфокоммуникативных процессов в управлении может создавать матричное пространство, подменяющее вариативность поведения управляемых субъектов содержанием, которое технологически уже заложено субъектом управления, и тем самым симулировать реальную полисубъектность.

Исходя из теоретико-методологического анализа подходов и конкретных исследований полисубъектности, приведенных в статье, можно сделать вывод, что наиболее перспективной для социологического исследования полисубъектного управления представляется концепция персонифицированной социокультурной модели управления А.В. Тихонова. В то же время дальнейшее развитие концепта полисубъектности может способствовать социологической интерпретации степени сложности полисубъектной среды, ее зависимости от уровня самоорганизации общества, управленческого потенциала субъектов управления. Для управленцев это имеет и вполне практическое значение: пониманию степени и масштаба доминирования субъектов в описанных выше сферах, повышению самоорганизации различных сообществ, возрастанию роли социально-сетевой субъектности при реализации стратегических инициатив [3, с. 4] и т. д.

Дальнейшее направление исследований полисубъектности в рамках социологии управления включает разработку системы социологического мониторинга полисубъектной среды; определение факторов и барьеров формирования полисубъектной среды на различных уровнях; изучение международного опыта полисубъектного управления и его институционализации в различных сферах. Важно также учитывать полисубъектный подход в социологической составляющей гуманитарной экспертизы управленческих решений. Видится перспективным и вопрос универсальности полисубъектности как фактора управления региональным развитием. Региональный и межрегиональный уровни взаимодействия различных управляемых субъектов — власти, бизнеса, научных организаций, политических партий, общественных движений и т. д. — получают дополнительную актуальность в плане управления формированием полисубъектной среды.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельев Иван Александрович — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (916) 965-78-77. **Электронная почта:** ivansave-80@mail.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 96–110. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.5)

Research Article

IVAN A. SAVELYEV¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

POLYSUBJECTIVITY AS A CATEGORY OF SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Abstract. The article substantiates the need to introduce such a general scientific category as “polysubjectivity” into sociology of management, clarifies its sociological content as a category of post-non-classical rationality, shows its role in explaining the institutionalization of management, and highlights the main approaches towards understanding polysubjectivity.

A definition of polysubjectivity is given with it being described as a system of regulatory (self-regulatory) mechanisms that reproduce evolutionary forms of socio-cultural formations and lead to the formation and development of social institutions in the context of an increasingly complex polysubject environment. According to the author, this category allows us to describe the diversity and dynamics of the social environment, which is formed in the process of dialogue between controlled subjects who are carriers of various value-target structures, possessing certain resources and being in interaction with other subjects of social action.

Polysubjectivity is recognized as the most important reason for changing the social order, as well as a factor in social development, without understanding which it is impossible to increase the viability of the social system. The properties and manifestations of polysubjectivity in the practice of social management are registered. It is proven that polysubjectivity is a condition and at the same time a result of polysubjective management, i. e. management through the environment. Further research prospects for applying the category of polysubjectivity are outlined, in particular, the matter of the universality of polysubjectivity as a factor in the effectiveness of regional development management.

Further research prospects for using the category of polysubjectivity are outlined. The author used the results of an interdisciplinary study of polysubjectivity and showed its significance for sociology, as well as the importance of sociological research of polysubjectivity for other social and humanitarian sciences.

Keywords: polysubjectivity; sociology of management; post-non-classical rationality; ontological foundations of polysubjectivity; epistemological foundations of polysubjectivity; polysubjective management environment; polysubjective management.

For citation: Savelyev, I.A. Polysubjectivity as a Category of Sociology of Management. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 96–110. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.5)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Savelyev — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (916) 965-78-77. **Email:** ivansave-80@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Александр К., Исикава С., Силверстайн М. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство / Пер. с англ. И. Сырова. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. — 1096 с.
Aleksander K., Isikava S., Silverstain M. *Template language. Cities. Buildings. Construction*. Transl. from Eng. by I. Syrov. Moscow: Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva publ., 2014. 1096 p. (In Russ.)
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Концепция постнеклассической науки В.С. Степина и универсальный эволюционизм Н.Н. Моисеева // Философские науки. 2019. № 62 (4). С. 96–112. DOI: [10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112) EDN: SJAIEL
Arshinov V.I., Budanov V.G. The concept of post-non-classical science V.S. Stepin and universal evolutionism of N.N. Moiseeva. *Filosofskie nauki*. 2019. No. 62 (4). P. 96–112. DOI: [10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112) (In Russ.)
3. Богданов В.С., Смирнова А.С., Бурдюкова М.Д. Социально-сетевое группообразование в контексте оценки реализации национальных проектов // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 4. С. 60–69. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69) EDN: AYRMQA
Bogdanov V.S., Smirnova A.S., Burdyukova M.D. Social network group formation in the context of assessing the implementation of national projects. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 2021. Vol. 4. No. 4. P. 60–69. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69) (In Russ.)

4. Варжавин А.А., Уварина Н.В. Роль полисубъектного подхода в организации взаимодействия субъектов образования // ЦИТИСЭ. 2024. № 1 (39). С. 140–153. EDN: [ASRFWZ](#)
Varzhavin A.A., Uvarina N.V. The role of the multi-subject approach in organizing the interaction of educational subjects. *CITISE*. 2024. No. 1 (39). P. 140–153. (In Russ.)
5. Давыдов А.П. Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. № 66 (4). С. 140–159. DOI: [10.30727/0235-1188-2023-66-4-140-159](#) EDN: [QNGWIY](#)
Davydov A.P. Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Filosofskie nauki*. 2023. No. 66 (4). P. 140–159. DOI: [10.30727/0235-1188-2023-66-4-140-159](#) (In Russ.)
6. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. Кн. 1. / РАН, Ин-т социологии, Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; Отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 5–42.
Dridze T.M. Two new paradigms for social cognition and social practice. *Social communication and social management in the eco-anthropocentric and semiosociopsychological paradigms. In 2 books. Book 1*. Ed. by T.M. Dridze. Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences publ., 2000. P. 5–42. (In Russ.)
7. Ключарев Г.А. Навстречу будущему: непрерывное образование и его легитимация в машинном исполнении // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 130–139. DOI: [10.31857/S013216250027783-4](#) EDN: [LNSMOA](#)
Klyucharev G. A. Towards the future: continuous education and its legitimation in machine execution. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 9. P. 130–139. DOI: [10.31857/S013216250027783-4](#) (In Russ.)
8. Лепский В.Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // Местное право. 2022. № 3. С. 11–20. EDN: [GGWPHP](#)
Lepskiy V.E. Solidarity society as a self-developing polysubjective environment (harmony of hierarchies, networks and environments). *Mestnoe pravo*. 2022. No. 3. P. 11–20. (In Russ.)
9. Лепский В.Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-10-7-36](#) EDN: [YSAYZV](#)
Lepskiy V.E. Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics. *Filosofskie nauki*. 2018. No. 10. P. 7–36. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-10-7-36](#) (In Russ.)
10. Мерзляков А.А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4. С. 95–104. DOI: [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](#) EDN: [YQJUHZ](#)
Merzlyakov A.A. The problem of subjectivity in the sociology of management. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 95–104. DOI: [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](#) (In Russ.)
11. Петровский В.А. Деятельностное опосредствование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 1. С. 5–16. EDN: [OIZZJN](#)

- Petrovsky V.A. Activity mediation of interpersonal relations: phenomena, essence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2011. Vol. 2. No. 1. P. 5–16. (In Russ.)
12. *Смышляева Л.Г.* Полисубъектность как принцип реализации компетентностно-ориентированных андрагогических программ // Вестник ТГПУ. 2011. № 10 (112) С. 185–188. EDN: [OJQDMZ](#)
Smyshlyayeva L.G. Polysubjectivity as a principle for the implementation of competency-oriented andragogical programs. *Vestnik TGPU*. 2011. No. 10 (112). P. 185–188. (In Russ.)
13. Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / Под ред. А.В. Тихонова. М.: URSS, 2014. — 480 с.
Sociology of management. Theoretical and applied explanatory dictionary. Ed by A.V. Tikhonov. Moscow: URSS publ., 2014. 480 p. (In Russ.)
14. *Степин В.С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. P. 45–59. EDN: [SYRGQD](#)
Stepin V.S. Types of scientific rationality and the synergetic paradigm. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*. 2013. No. 4. P. 45–59. (In Russ.)
15. *Тихонов А.В.* Социология управления. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2007. — 472 с. EDN: [TVIOWP](#)
Tikhonov A.V. *Sociology of management*. 2nd ed., additional, and revised. Moscow: Kanon+ publ., 2007. 472 p. (In Russ.)
16. *Туманов С.В., Оносов А.А., Савина Н.Е.* Гуманитарная экспертиза: теоретические подходы и практики их реализации // Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия. 2017. № 5. С. 97–112. EDN: [ZTHPSF](#)
Tumanov S.V., Onosov A.A., Savina N.E. Humanitarian expertise: theoretical approaches and practices of their implementation. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 7: Filosofiya*. 2017. No. 5. P. 97–112. (In Russ.)
17. *Ядов В.А., Заславская Т.И.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 8–22.
Yadov V.A., Zaslavskaya T.I. Social transformations in Russia in the era of global changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 4. P. 8–22. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.08.2024; поступила после рецензирования и доработки: 13.04.2025; принята к публикации: 18.04.2025.

Received: 21.08.2024; revised after review: 13.04.2025; accepted for publication: 18.04.2025.